

Глава 35. Уроки винопития

Первым делом, оказавшись в квартире Хань Дуна, Су Мо направился во вторую спальню. Увиденное заставило его замереть: кровать там буквально развалилась. Су Мо перевёл на Хань Дуна взгляд, полный недоумения.

Тот поспешно отвёл глаза.

— Да я случайно её пнул, — пробормотал Хань Дун. — Вроде и сил особо не прикладывал.

«Ты что, бык? Сил девать некуда?» — подумал Су Мо. Оттолкнув Хань Дуна, он обошёл гостиную и, не найдя иного выхода, направился в хозяйскую спальню.

— Я купил тебе пижаму, она на кровати, — Хань Дун откинул одеяло, под которым лежал аккуратный комплект чистой одежды. — И подушку заменил, ты же говорил, что прошлая слишком высокая.

Су Мо, собиравшийся было и дальше строить из себя недотрогу, почувствовал, как гнев мгновенно улетучивается. Схватив пижаму, он прошёл мимо Хань Дуна в сторону ванной.

Видя, что тот оттаял, Хань Дун расплылся в улыбке:

— Мыться пошёл? Может, вместе?

Су Мо обернулся и так сверкнул глазами, что Хань Дун тут же замер на месте и замахал руками:

— Ладно-ладно, иди один.

С тех пор как они сблизились, Су Мо почти перестал ходить в общественные бани. Когда хотелось помыться, он шёл сюда — здесь было и чище, и удобнее.

Сбросив одежду, он замер перед зеркалом. Тонкая шея, чёткие линии ключиц, гибкая талия, плоский живот и стройные ноги. И лицо, которое он сам считал вполне недурным.

«Сможет ли это лицо и это тело соблазнить того парня за дверью? Может ли мужчина обольстить мужчину? Не станет ли Хань Дуну противно?» — мысли роились в голове одна за другой.

Нет, даже если им не суждено быть вместе, он, по крайней мере, любит Хань Дуна. Он хочет быть ближе к его теплу.

«Помыться вместе?»

Су Мо зажмурился и распахнул дверь ванной, но замер как вкопанный: в гостиной появился ещё один человек. Элегантная женщина, в которой он узнал мать Хань Дуна.

Встретившись с ними взглядом, Су Мо едва заметно кивнул и тут же с грохотом захлопнул дверь. Лицо его полыхнуло жаром. Из-за двери донеслись голоса.

— Я видела этого мальчика. Он ведь инвалид, да? Твой отец говорил, — голос Мэн Синь звучал ровно.

Хань Дун бросил быстрый взгляд на дверь ванной:

— Мам, потише ты. Какой ещё инвалид? Он просто не говорит.

— Раз не говорит — значит инвалид. Он в душе, не услышит, — Мэн Синь потёрла виски. Хань Дун нахмурился:

— Что случилось? Голова болит?

— Угу, сплю плохо, — Мэн Синь протянула руку, поправляя чёлку сына, но Хань Дун неловко уклонился. — Сынок, у матери, кроме тебя, никого нет. Ты должен добиться успеха. В будущем заберёшь компанию себе, и тогда я смогу со спокойным сердцем развестись с этим чудовищем.

Несмотря на строгость отца, Хань Дуну было неприятно слушать, как мать отзывается о нём.

— Ладно, мам, я понял. Зачем ты пришла в такую темень?

— В следующую среду у старика день рождения. Твой дядя и остальные тоже придут. Ты должен вернуться и что-нибудь ему подарить, не заявляйся с пустыми руками, — Мэн Синь достала конверт из крафт-бумаги. — Здесь десять тысяч. Купи что-нибудь приличное.

Хань Дун с раздражением отшвырнул деньги на диван:

— Я понял.

— Ну, тогда я пойду. Тебе завтра ещё в школу, — Мэн Синь поднялась и бросила короткий взгляд на ванную. — В будущем тебе предстоит вершить великие дела, так что выбирай людей, с которыми стоит водиться.

Хань Дуну эти наставления были не по нутру. Мать с самого детства твердила ему заводить

«полезные» знакомства, но он никогда её не слушал — кивал для виду, а сам пропускал всё мимо ушей.

— Хорошо, я понял.

Когда Мэн Синь ушла, Хань Дун постучал в дверь ванной:

— Сяо Мо, ты что-то хотел?

Ответом ему был лишь шум воды. Не дождавшись ответа, Хань Дун ушёл в спальню. Потoki воды стекали по лицу Су Мо, который с горькой усмешкой смотрел на своё отражение.

«Су Мо, Су Мо, ты на себя-то посмотри. И на что ты рассчитываешь с Хань Дуном? Инвалид? Хм, верно. Он инвалид. Но если бы был выбор, кто бы, чёрт возьми, захотел таким стать!»

Когда Хань Дун, закончив свои дела, вернулся в спальню, Су Мо уже лежал на кровати, отвернувшись к стене. Хань Дун по звуку дыхания понял, что тот не спит — Су Мо слишком старательно пытался дышать ровно. Он нырнул под одеяло и устроился позади него.

— Слышал, что мать сказала?

Су Мо не пошевелился, лишь медленно открыл глаза в темноте.

Едва Су Мо вышел из ванной, Хань Дун почувствовал его подавленность. Поразмыслив, он понял, что виной всему слова матери — Сяо Мо наверняка всё слышал.

— Маленькая красавица, не бери в голову её слова, ладно? Мне не нравится, когда ты такой хмурый. Кажется, будто я в чём-то виноват перед тобой, я...

На полуслове Хань Дун услышал лёгкое, едва заметное посапывание. Мерное дыхание отозвалось болью в его сердце: он понял, что Су Мо просто притворяется спящим, чтобы избежать разговора.

— Ну что ж... Спокойной ночи.

Свет погас. Комната погрузилась в темноту. Даже луна скрылась за тяжёлыми тучами, и лишь зимний ветер яростно ревел за окном.

В полночь ветер стих, и повалил густой снег. Это был первый снег в этом году — он пришёл раньше обычного.

Ближе к середине ночи батареи начали остывать, но Су Мо проснулся от жара. Открыв глаза, он обнаружил себя в объятиях Хань Дуна. Его спина плотно прижималась к тёплой, мощной груди Хань Дуна, а отсутствие на том футболки делало прикосновение пугающе реальным.

В уши бил звук тяжёлого, глубокого дыхания. Су Мо, смущённый такой близостью, мгновенно лишился остатков сна. Каждая клеточка его тела ощущала жар чужого тела.

Человек позади зашевелился, и мгновение спустя прохладные губы коснулись его шеи. Су Мо весь напряжился, не выдержал этого томления и отстранился. В лицо тут же пахнуло прохладой.

Он приподнялся, чтобы остыть, и вдруг заметил за окном снег. Радость нахлынула волной. Он поспешно вскочил с кровати и бросился к окну.

Снег идёт. В детстве он обожал снегопады: они всегда предвещали скорый Новый год. А на праздник всегда дарили новую одежду, на столе появлялись мясо и фрукты, а в небе расцветали фейерверки.

Повзрослев, он не разлюбил снег — этот чистый, белый мир, рождающийся заново. Когда-то он втайне мечтал, что, если влюбится, обязательно будет гулять с любимым человеком под таким снегопадом. По-детски, безрассудно и... романтично.

За окном царил мертвенная тишина. Хань Дун сонно приоткрыл глаза и увидел Су Мо, замершего у оконной рамы. В призрачном свете, отражённом от снега, его профиль казался высеченным из камня.

Тонкие, изящные черты, взгляд, чистый, как этот первопуток. Су Мо стоял, накинув на плечи свитер, и в этой его сонной расслабленности было столько неброской красоты, что у Хань Дуна перехватило дыхание.

Кадык Хань Дуна дёрнулся. Он лежал не шевелясь, боясь спугнуть этот момент. Глядя на него, он чувствовал щемящую тоску. Будь Сяо Мо способен говорить, сказал бы он сейчас: «Хань Дун, посмотри, снег пошёл»? Он не мог представить себе голос Су Мо, и от этих мыслей становилось невыносимо жаль его.

— Нравится снег?

Су Мо обернулся. В тених спальни он не видел лица Хань Дуна, но тот видел его отчётливо.

Су Мо кивнул и едва заметно улыбнулся.

— Хочешь немного безумства? — Хань Дун сел в постели.

Пока Су Мо недоумевал, тот уже вскочил и начал одеваться. Вытащил из шкафа тёплую куртку и бросил ему:

— Одевайся, я пока умоюсь.

Гулять посреди ночи в снегопад? Не слишком ли это безрассудно?

В жизни Су Мо никогда не было места эксцессам, а уж тем более безумствам. Но с появлением Хань Дуна он нарушил слишком много собственных правил.

Он думал, они просто пройдутся по улице, но Хань Дун выкатил мотоцикл. Они неслись по пустым проспектам, как двое сумасшедших, разрезая заснеженную тишину.

Дорога была скользкой, колёса то и дело заносило, и Су Мо, не смея расслабиться ни на миг, до боли сжимал пальцы на талии Хань Дуна. Но это было... по-настоящему круто.

Город, застывший во времени, казался декорацией к старому фильму. В свете фонарей не было ни души. Хань Дун притормозил у заведения с вывеской: «Мой 1999».

Шёл именно девяносто девятый год. Похоже, бар открылся совсем недавно.

Хань Дун слез с мотоцикла. Обернувшись, он увидел покрасневшее от холода лицо Су Мо.

— Зайдём, пропустим по паре стаканчиков?

Су Мо едва исполнилось восемнадцать. Он не знал вкуса алкоголя — никогда не пробовал, да и никто не предлагал. Но после вопроса Хань Дуна ему вдруг нестерпимо захотелось узнать, каков он.

Заметив его колебания, Хань Дун приобнял его за плечи и потянул внутрь:

— Идём.

Этот бар не был похож на злачные места. Здесь не гремела музыка, не было грязи и похоти. Напротив — всё дышало элегантностью: неспешные мелодии, дорогие напитки, атмосфера спокойствия.

Конечно, Хань Дун ни за что не привёл бы его в притон.

— О, привет, брат Дун!

Хань Дун кивнул знакомому и подвёл Су Мо к стойке:

— Смешай ему что-нибудь подходящее.

Бармен оценивающе взглянул на Су Мо. Тот чувствовал себя не в своей тарелке, но, вопреки внутреннему трепету, старался держаться с достоинством и даже некоторой надменностью.

— На мой взгляд, его типу идеально подходит вино. Самое дорогое красное вино, — бармен усмехнулся. — Похоже, тебе придётся раскошелиться.

Хань Дун ухмыльнулся и хлопнул ладонью по стопке купюр:

— Красное вино — для красавицы. Наливай.

— Он же совсем юный, ты его плохому учишь, — бармен снова стрельнул глазами в сторону Су Мо. — А тебе как обычно?

— Да. Виски, — Хань Дун усадил Су Мо на высокий стул. — Пару бокалов — и домой.

Су Мо кивнул и огляделся. Этот бар казался убежищем для тех, кому нужно побыть наедине со своими мыслями: почти за каждым столиком гости пили в одиночестве.

Очарование красного вина в том, что оно пьянит душу ещё до того, как коснётся губ. Су Мо взял бокал на высокой ножке. Он впервые видел вино так близко, и его густой рубиновый цвет казался странно манящим.

— Я научу тебя, — Хань Дун налил себе немного вина в такой же бокал. Судя по тому, как он его держал, он знал в этом толк.

— Сначала — взгляд. Смотришь на цвет, на насыщенность, на глубину. Цвет вина меняется со временем: молодое — почти фиолетовое, потом оно темнеет до густого граната...

Хань Дун рассказывал, как вращать бокал, как вдыхать аромат, как пробовать на вкус. И Су Мо в очередной раз поймал себя на мысли, что никогда не поймёт Хань Дуна до конца.

Взять хотя бы вино. Он думал, такой грубиян, как Хань Дун, способен только на вульгарные выходки, но тот разбирался в тонкостях напитка и вёл себя сейчас на удивление изысканно. С него словно слетела вся напускная агрессия, уступив место джентльменскому спокойствию. Су Мо даже засомневался — неужели этот парень действительно всего лишь школьник? Почему он кажется в разы взрослее его собственного брата?

— Чего ты так на меня смотришь? — Хань Дун заметил его пристальный взгляд и мягко улыбнулся. — Этому меня отец учил. Начал лет в девять, так что к десяти я уже умел пить. Но красное вино... я его не жалею. Не моё это.

Хань Дун залпом осушил бокал.

— Видишь? Я люблю пить в охотку. Мне больше пиво по душе.

Су Мо осторожно пригубил вино. Терпкий вкус заставил его едва не выплюнуть напиток, но он сдержался и заставил себя сглотнуть.

Нет, вино — это то, на что приятнее смотреть, чем пить.

— Сяо Мо, ты ведь думаешь, что я — человек-загадка? — Хань Дун заметил, как Су Мо замер, и понял, что попал в точку. — На самом деле я и сам себя порой не понимаю. Не знаю, чего хочу, не вижу будущего. С чувствами всё так же сложно. Но с тех пор как встретил тебя, я решил одно: поступлю в университет. Обещаю, в следующем году принесу тебе уведомление о зачислении. Вот только когда я уеду... не пожалей об этом.

Хань Дун приложился к стакану с виски и посмотрел на Су Мо. Его глубокий, пронзительный взгляд заставил Су Мо утонуть в нём; он неосознанно сделал ещё один глоток.

Пожалеть? Конечно, он будет жалеть. Но он не смеет стоять на пути у будущего Хань Дуна. Если тот уедет, они, возможно, не увидятся полгода, а то и год. Как же он будет тосковать?

От этой мысли Су Мо запрокинул голову и выпил всё вино до капли. Хань Дун поспешно перехватил его руку:

— Не пей так, быстро опьянеешь.

Су Мо разжал ладонь Хань Дуна и вывел на ней слово за словом:

«Но ведь ты сам меня этому научил».

<http://bllate.org/book/17506/1662325>